

Александр Вельтман

**Приключения, почерпнутые
из моря житейского**

Воспитанница Сара

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Вельтман**
Приключения, почерпнутые из моря житейского: Воспитанница Сара /
Александр Вельтман – М.: Книга по Требованию, 2021. – 234 с.

ISBN 978-5-518-08879-5

ISBN 978-5-518-08879-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Нѣтъ, милая-то не отопреть, не ея дѣло! Богъ васъ знаетъ, кто вы тамъ по ночи-то пришли.

— Ахъ, вы проклятые!

— Ишь ты, всѣ у него проклятые... Да ты плати прежде за провозъ-то... Вѣдь и отопрутъ, я не пушу; слышишь, караулъ закричу! сказалъ извозчикъ, ухватясь за корзину.

— Не тронь! крикнулъ сѣдокъ: — на! вотъ тебѣ рубль серебромъ.

Извозчикъ ощупалъ бумажку, и удовольствовался.

— Сдачи, что ль, аль поѣдешь назадъ?

Въ это время калитка отворилась.

— Кого вамъ? Викторину Ивановну?

— Викторину Ивановну. Посылка къ ней.

— Пожалуйте, сказала женщина, провожая неизвѣстнаго черезъ дворъ къ дому и потомъ по темной лѣстницѣ.

Между тѣмъ, въ окнахъ верхняго этажа украшенныхъ ситцевыми занавѣсками, показался свѣтъ. Въ комнатѣ убранной мебелью подъ орѣхъ, надъ однимъ столикомъ висѣло зеркало, надъ другимъ портретъ вывѣсочной живописи, изображавшій улыбающуюся даму въ чепцѣ и локонахъ. Оригиналъ портрета ходилъ взадъ и впередъ въ томъ же чепцѣ и локонахъ, въ томъ же накинутаго на плеча платкѣ съ набивными турецкими цвѣтами посреди арабскихъ вавилоновъ и англійскихъ узоровъ; съ тѣмъ же носовымъ платкомъ въ сложенныхъ рукахъ. Не доставало только прежней улыбки, румяныхъ ланитъ на лицѣ, и присоединенной живописцемъ великолѣпной вазы въ комнатѣ. Это была женщина среднихъ лѣтъ, но пріятной и доброй наружности. Съ нетерпѣніемъ посматривала она въ переднюю, подходила къ зеркалу, и въ ожиданіи поправляла съ улыбкой локоны, какъ будто желая снова походить на свой портретъ.

Наконецъ дверь отворилась и вошелъ въ комнату довольно уже пожилой человекъ, въ длинномъ сюртукѣ, что-то въ родѣ стариннаго управляющаго домомъ и довѣреннаго человека. Въ рукахъ его была кордонка въ родѣ корзины съ крышей.

— Вы сударыня, Викторина Ивановна? спросилъ онъ.

— Я, мой милый.

— Такъ вотъ приказано вамъ отдать.

— Ахъ, это дѣтское приданое!

— Не знаю сударыня съ чѣмъ; въ магазинъ сказали, что тутъ есть реестръ всему.

— Ну да, да, да, я и сказала, что въ магазинъ дѣтскаго бѣлья есть все готовое.

— Да вотъ пакетецъ со вложеніемъ; извольте пересчитать.

— Хорошо, мой милый, проговорила Викторина, взявъ пакетъ.

— Это, сударыня, по условію за полгода: не угодно ли пересчитать, да выдать мнѣ записочку, что изволили получить.

Викторина подошла къ свѣчѣ и стала считать бумажки; но качество, или количество ихъ ее взволновало; глаза, непривычные къ значительнымъ суммамъ денегъ, какъ будто заволокло куриною слѣпотой, а руки дрожали.

— Точно такъ, сказала она наконецъ, совершенно сбившись съ толку и положивъ пакетъ въ столъ.—Сейчасъ напишу росписку... Какъ же мнѣ писать? пожалуста говорите мнѣ... Сего числа... получила... отъ кого?

— Просто извольте написать: получено мною тысяча рублей ассигнаціями.

Руки Викторины тряслись; но кое-какъ она написала эти слова, и подписалась. Когда человѣкъ вышелъ, она принялась снова пересчитывать деньги. На первый разъ она не досчиталась дѣлыхъ трехъ сотъ рублей. Холодный потъ выступилъ на лицѣ.

— Ахъ, Боже мой, онъ обсчиталъ меня! вскричала Викторина, принимаясь снова считать. На второй разъ недостало только ста рублей; а наконецъ вся тысяча оказалась сполна.

Лицо ея пылало, какъ на портретѣ. Успокоясь отъ волненія, она вошла въ свою спальню, тихонько отперла комодъ и положила пакетъ въ ларчикъ; потомъ прислушалась у пріотворенныхъ дверей въ другую комнату.

— Спать спокойно, милочка! прибавила Викторина, и во-

ротясь къ комоду, на которомъ стояло зеркальце, она скинула парадный чепчикъ, потомъ зачесала волосы подъ грёбенку и надѣла ночной чепецъ. Вдругъ раздался какой-то дикій звукъ съ продолжительнымъ свистомъ.

— Она испугаетъ ребенка! проговорила Викторина, всплеснувъ руками, и бросилась въ боковую отъ спальни комнату, гдѣ подлѣ приставленныхъ другъ къ другу кресель, накрытыхъ кисейною занавѣской, лежала раскинувшись на разостланномъ войлокѣ, на полу, тучная деревенская баба.

— Кормилица!.. Господи, буря какая! Что ты, матушка, хранишь и сопишь! ты испугаешь дитя!

Кормилица очнулась, вскочила и начала поправлять съ просонковъ платокъ на головѣ и почесывать виски.

Прошептавъ ей строгій выговоръ, Викторина возвратилась въ спальню, сѣла въ мягкія кресла, опустила голову на спинку, протянула ноги, сложила руки, и смотря въ потолокъ, проговорила: „теперь я, слава Богу, обезпечена надолго; а если это дитя останется на моемъ попеченіи нѣсколько лѣтъ“... она не договорила, сердце ея забилось передъ фресками роскошной будущности, которая представлялась ей на безпредѣльномъ пространствѣ потолка. Приятныя мечты стали однакоже клонить ее ко сну. Она встала и позвала тихонько свою Матрену, у которой, какъ у *Ямантаги* было безчисленное множество рукъ и ногъ, на безукоризненное исполненіе обязанностей горничной, кухарки, прачки, посыльной и временной няньки дѣтей, которыхъ Викторина брала на попеченіе, и даже погребальницы. Матрена раздѣла ее, уложила въ постель, и сложивъ руки, ожидала приказаній.

— Что жь ты стоишь, ступай себѣ.

— А про кушанье-то забыли?

— Ахъ, да! въ самомъ дѣлѣ забыла!.. Завтра ты, Матрена, встань пораньше, да достань свѣнной тухли... на обѣдъ купи фунта три парной говядины перваго сорта на супъ, да хорошую филейную часть на жаркое...

— Эва! филею! Филей-то меньше пяти фунтовъ не отрѣжутъ.

— Ну что жь такое!.. Кореньевъ побольше... не забудь

взять пырею... я пырей люблю... Да купи теста на пирожки; мѣрку картофелю, только хорошаго. Ахъ, да! пары три сосисокъ...

— Чай къ Нѣмцу бѣжать?

— Конечно... Масла купи фунта три, дополнила Викторина въ заключеніе, вынувъ изъ комода деньги.

— Господи, да куда жъ это три фунта! Чтобъ прогоркло?

— Я сама буду дѣлать марципаны... Ахъ, и забыла: зайди въ кондитерскую да купи фунтъ шеколаду.

— Господи, да что у васъ завтра праздникъ, что ли, какой нѣмецкой? Именинъ своихъ не празднуете; а тутъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, словно сорóка; гостей сзывать!.. Чу, звонить кто-то опять.

— Нѣтъ ужъ я никуда, ни за чтò; я такъ утомилась эти дни.

— Волей-неволей, а пойдешь, какъ родильница въ части. Служба—кабала.

— Я служить больше не намѣрена! Скажи, что я больна. Звонокъ снова звякнулъ. Матрена выбѣжала.

— Служить я больше не намѣрена, повторила Викторина,— завтра же буду просить увольненія.

— Одѣвайтесь-ко, сказала, возвратясь, Матрена.

— И не думаю; никуда и ни къ кому! Кто бы тамъ ни былъ, скажи что не могу.

— Что тутъ не могу! Къ мадамъ Бертъ-то не можете? къ закадычному другу? Вѣрно съ дочкой-то ея что-нибудь приключилось.

— Неужели? отъ Берты?

— Стало-быть дочка-то, Диночка, повѣчалась съ тѣмъ иностраннымъ банкирскимъ прикащикомъ? Ну, счастлива!..

— Мнѣ же на руки... нѣтъ, благодарна, проговорила Викторина.

— Что жъ, одѣваться, чтоль? извощика прислали.

— Не поѣду; скажи, что изъ части прислали за мной; въ части работа, никакъ не могу; пусть за другой пошлютъ.

Матрена покачала головой и вышла.

— Нѣтъ, благодарна! пусть извинить Берта! продолжала Викторина разговаривать сама съ собой.— Она ужъ намекала,

и приговаривалась къ тому, чтобъ отдать ребенка на мое попеченіе... Большая прибыль! Знаю я этихъ... тароватыхъ господъ!.. Наобъщаютъ горы!.. Да и мѣста у меня нѣтъ, гдѣ жь я помѣщу двухъ? да еще и другую кормилицу держи. Ни за чтò!

Съ этими рѣшительными мыслями Викторина стала засыпать. Но снова раздался звонокъ, и вскорѣ вслѣдъ за Матреной, вошедшей со свѣчой, вошла женщина пожилыхъ лѣтъ, въ родѣ муттерхенъ ходящей на рынокъ, въ мантильѣ и въ шляпкѣ съ неизмѣримыми полями. Вбѣжавъ въ спальню съ аханьемъ, она бросилась на лежавшую въ постелѣ Викторину, облобызала ее и заговорила въ полголоса по-нѣмецки.

Матрена, не понимая ничего, поняла однакоже, что просьбы на нѣмецкомъ языкѣ гораздо убѣдительнѣе. Викторина, хотя не охотно, но стала одѣваться, и вскорѣ исчезла съ Бертой.

II.

Несмотря на рѣшимость Викторины удовольствоваться материнскимъ попеченіемъ только объ одномъ младенцѣ, котораго, какъ она выражалась, послалъ ей самъ Богъ, на другой же день, въ маленькой комнаткѣ между спальней и кухней, стояла еще пара сдвинутыхъ креселъ, полузакрытыхъ старымъ саржевымъ платкомъ. Дебелая и тучная кормилица не затруднилась, взяла на свое продовольствіе двухъ питомицъ. То дѣляла и кормила Бѣляночку; то кормила и убаюкивала Чернаву. Бѣляночкой называла она первую дѣвочку, которая поступила на ея кормы. Это была Вѣрочка, крохотное слабенькое существо; капельки двѣ молока удовлетворяли ее, и она тотчасъ же засыпала у груди.

— Ужь какой это жилецъ! говорила кормилица, качая головою.

— Полно каркать ворона, типунъ тебѣ на языкъ! сердито вскрикивала на нее Викторина, заботливо и боязливо ухаживая за Вѣрочкой.

Другая дѣвочка, навязанная ей внучка Берты, проявляла внутреннія силы. Еще молочные, но уже зоркіе глазенки, таращились на всѣ окружающіе предметы, ручонки цѣплялись за все, и она молчала, когда жажда ея была удовлетворена; но едва кормилица, занятая другимъ ребенкомъ,

промедлила и тотчасъ же, по деревенскому ея выраженію, не заткнула глотки, тѣ же глазенки грозно хмурились и ротикъ, съ невыносимымъ крикомъ, ухвативъ грудь, долго тормозилъ ее, прежде чѣмъ, впившись въ нее, начиналъ сосать съ гнѣвнымъ ропотомъ и захлебываясь.

— Экая прорва, прости Господи! ворчала часто кормилица:—добро бы впрокъ!

Викторина также не жаловала внучку Берты. Безпокойный ребенокъ надоѣдалъ ей крикомъ своимъ, а Матрена допросами, какъ звать его.

— Что она безыменная, что ли, некрещеная, повторяла Матрена,—или ужъ такъ и останется Чернавой, какъ прозвала ее кормилица?

Не прежде какъ чрезъ мѣсяцъ Викторина получила записку отъ Берты, съ извѣщеніемъ, что имя младенца Sarah. Это имя встревожило ее. Она сама побѣжала къ пріятельницѣ своей и объявила ей, что она не можетъ держать у себя дѣвочки, которая носитъ имя Сара.

— А почему же это? проговорила въ свою очередь встревоженная Берта.

— Впервыхъ потому, что я служу, и меня спросятъ, что у меня за дѣвочка на воспитаніи съ некрещенымъ именемъ; а вовторыхъ это лишитъ меня практики: скажутъ, что я принимаю на глѣбовскомъ подворьѣ.

— Помилуйте, Викторина, какое же некрещеное имя? это американское имя; зять изъ Америки родомъ... Онъ теперь поѣхалъ въ Америку, а по возвращеніи его, Дина возьметъ дочь къ себѣ.

— Да, это другое дѣло, сказала успокоенная Викторина.— И я очень буду рада! прибавила она, возвратясь домой.— Мнѣ надоѣла эта рѣва!.. Ты поминутно кормишь ее, кормилица, а Вѣрочка голодная.

— А кто жъ ей виноватъ, дитя не просить, мать не разумѣть; вотъ эта, заорѣтъ, такъ и вѣдомо, что ѣсть хотить.

— Не давай часто.

— Да для чявожь не давать-то? то и телятко, что двѣ матки сосеть; а эта что? ненадежная.

— Ахъ ты бурая корова! что мычить!

Викторинѣ и безъ напоминаній поминутно приходила страшная мысль въ голову, что того и гляди, слабенькая Вѣрочка умретъ, и она лишится дохода, который можетъ обезпечить всю ея будущность.

— Господи, пошли ей хоть три годка жизни! повторяла она мысленно, смотря на Вѣрочку.

Но кормилица, какъ будто сглазила бѣдную дѣвочку; она вдругъ заболѣла. Викторина перепугалась. Во всякомъ другомъ случаѣ она употребила бы въ дѣло собственныя свои познанія въ медицинѣ; напоила бы ромашкой, дала бы магnezиу, намазала бы животикъ маслицемъ, употребила бы даже промывальное; но Вѣрочка пуще роднаго дитя, надъ которымъ не пробуютъ домашней аптеки и универсальныхъ средствъ. Надо ѣхать за докторомъ; но вправо ѣхать или влѣво? За аллопатомъ или гомеопатомъ? На *малыя толки* она однакоже не понадѣялась, и какъ будто убѣжденная, что на русскую натуру не подѣствуетъ и нѣмецкая молитва, она заѣхала къ Иверской. Докторъ, котораго Викторина привезла съ собою, любилъ свое призваніе, любилъ науку, но не вѣрилъ въ нее какъ въ Бога. Помогать ея дѣло, а воскрешать не ея дѣло, говорилъ онъ.

— Помогите! повторяла и Викторина, подводя его къ больной Вѣрочкѣ.

— А вотъ, увидимъ, чему помогать... Ну-у, есть чему! сказалъ онъ, садясь подлѣ колыбели, и приложивъ руку къ пылающей головкѣ ребенка.— Это откуда ты взяла такую хорошенькую дѣвочку?

— Это дочь моего друга.

— Твоего друга?.. стало быть собственная.

— Ахъ, полноте!.. скажите, что?

— Ничего.

— Какъ ничего?

— Ты чѣмъ ее кормишь?

— Вотъ кормилица.

— Ого! покажись-ко сюда, голубушка... Покажи вымя-то... Да, изрядное. Ступай!

— Молоко у нея очень хорошее.

— Сливки?.. Ахъ ты повитушка! а еще Викторина! нешто можно кормить такую мозглявенькую дѣвочку коровинымъ молокомъ?.. Навараксай животикъ чѣмъ-нибудь, да дашь порошечки...

Докторъ написалъ рецептъ, всталъ и пошелъ. Викторина бросилась къ нему съ благодарностію за визитъ.

— Что еще?.. Кормилицу-то перемѣни! сказалъ онъ, оттолкнувъ ея руку.

Пославъ рецептъ въ аптеку, она сѣла подлѣ Вѣрочки, успокоенная надеждой на ея выздоровленіе; но горевала, что надо взять другую кормилицу. Медлить нельзя было. На другой же день явилась другая, и Вѣрочкѣ стало лучше.

Дебелая кормилица предоставлена была въ полное распоряженіе Сары.

Викторина надѣялась, что отъ этой обузы скоро ее избавятъ; но прошло нѣсколько недѣль, никто и не думалъ брать ребенка. Прошелъ еще мѣсяцъ; Викторина хотѣла уже напомнить Бертѣ; но, легкая на поминѣ, Берта явилась сама, и только что вошла въ комнату, сѣла и залилась горькими слезами.

Матрена подслушивала по обычаю разговоръ; но опять ничего не поняла, кромѣ того, что мадамъ Берта о чемъ-то просила, молила, убѣждала, уговаривала Викторину и въ заключеніе начала лобызать.

Дѣло состояло въ томъ, что зять ея Американецъ, вмѣсто Москвы, внезапно уѣхалъ по какимъ-то дѣламъ въ Индію, что на кораблѣ сдѣлался пожаръ и неизвѣстно спасся онъ, или погибъ.

— Что жъ мнѣ дѣлать съ вашимъ ребенкомъ? вскричала Викторина:—я не могу его на свой счетъ содержать.

— Для чего же на свой счетъ: Дина, до возвращенія мужа поступила въ гувернантку, и будетъ присылать на содержаніе ребенка.

— Дина поступила въ гувернантку? сказала съ усмѣшкой Викторина:—до возвращенія мужа?

— Я увѣрена, что онъ живъ; потому что въ конторѣ извѣстій объ его смерти нѣтъ.

— Ужь хоть бы говорила просто, Берта, и что-нибудь одно; то повхаль въ Америку, то въ Индію, то погибь, то живь! Право, я этимъ Американцамъ не вѣрю!.. На свадьбѣ вашей Дины, я могла бы быть не лишнимъ гостемъ.

— Ужь конечно, вы Викторина заняли бы первое почетное мѣсто, еслибы можно было объявить свадьбу; но до смерти отца онъ не можетъ этого сдѣлать, онъ женился безъ согласія его... отецъ проклянетъ и лишитъ всего наслѣдства...

— Слышала я; кто жъ не знаетъ, что онъ къ вамъ ѣздилъ, устроилъ васъ... У Дины платье не платье, шляпка не шляпка, кружевные мантальи; куда жъ все это дѣлось?

— Да! въ какомъ довольствіи жили мы! какая квартира была! уборка какая!.. кофей, шеколадъ, шампанское пили!.. а теперь?.. проговорила, залившись слезами, Берта.—Дина неблагодарная дочь, уѣхала; деньги, вещи,—все съ собою забрала; да еще ребенка бросила мнѣ на руки... вздумала меня же попрекать!..

— Давно бы такъ, сказала Берта.

Хотя Викторина наслушалась отъ одного знакомаго ей гезеля, что сердце есть не что иное какъ сосудъ, изъ котораго, при сильномъ давленіи внутреннихъ мѣховъ, истекаетъ морскаго свойства вода, называемая слезами, но она не утратила сочувствія къ этой водѣ; а потому и согласилась оставить Сару на нѣкоторое время на своемъ попеченіи.

Это время тянулось годъ, два и три, въ продолженіи которыхъ не только не было извѣстія объ отцѣ Сары; но, по сознанію Берты, и о матери не было ни слуху, ни духу. Берта надобдала Викторинѣ слезами и о себѣ бѣдной и о бѣдной внучкѣ, особенно когда смотрѣла на Вѣрочку, которую обкладывали игрушками и защищали отъ насилій Сары.

— Бѣдная Сара, говорила она заунывно,—о тебѣ некому позаботиться.

— Какъ некому, возражала Викторина,—а вы, а мать ея? Берта покачала головой.

— Вольно же... впрочемъ она такой ребенокъ, который